

Материальная семиотика

Кирилл А. ПЕТРОВ¹

Центр исследований науки и технологий Европейского университета
в Санкт-Петербурге (Центр STS ЕУСПб); Центр перспективных социальных
исследований Института общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия
ORCID 0000-0002-4178-1726

Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно²

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-18-37

Резюме:

Как отмечает Джон Ло, уже к началу 90-х в текстах Бруно Латура почти полностью содержались основные принципы акторно-сетевой теории: внимание к гетерогенным отношениям, использование семиотических инструментов, приверженность принципам симметрии при описании истинности или неистинности утверждений, перформативность практик, ориентация на циркуляции, предрасположенность к case study. Стремясь расширить список подходов и инструментов, применяемых в ANT, Ло обращается к материальной семиотике. Он показывает ее как совокупность тем, стимулирующих чувствительность исследователя к проблеме полисемантической в конкретном поле. Вместе с тем его материальная семиотика имплицитно содержит критику версии семиотики Греймаса, развиваемую Латуром. В версии Ло семиотика описывает практики производства множественных реальностей, а также поддержания неопределенности и многозначности, в то время как семиотика Латура имеет более инструментальное значе-

18

- 1 Петров Кирилл Алексеевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Центра исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге (Центр STS ЕУСПб), научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук РАНХиГС. Научные интересы: исследования науки и технологий, социальные исследования биомедицины, биоэтика. E-mail: kpetrov@eu.spb.ru
- 2 Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Acknowledgments: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

ние, показывая, как конкретные акторы, создавая правила, устраняют полисемантичность и формируют общий порядок. В статье показано, что указанное противоречие связано с разным подходом к решению вопроса о прослеживании длины сетей отношений, создаваемых акторами. Однако сам этот вопрос является эмпирическим. В статье исследуется конкретный кейс взаимодействия в практиках Центра помощи детям и взрослым с ментальными и физическими нарушениями. Показано, что проблема полисемантичности и неопределенности имеет два решения: ограничение сети через «в-ключение» автора сообщения и поддержание полисемантичности через «частичные соединения».

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, материальная семиотика, неопределенность, значение, исследования инвалидности, частичные соединения

Kirill A. Petrov¹

European University in Saint Petersburg; RANEPa, Moscow, Russia

Material Semiotics as a Method: From Uncertainty to Order and Back Again

Abstract:

John Law notes that — by the early 1990s — Latour's approach contained the entirety of the principles of actor-network theory: attention to heterogeneous relations, use of semiotic tools, adherence to symmetry in describing the truth or false statements, performativity of practices, focus on circulations, predisposition to case studies. Expanding the list of approaches and tools used in the ANT, Law turns to material semiotics. He aspires to show it as a set of themes that stimulate the researcher's sensitivity to the problem of polysematicity in a particular field. At the same time, his version of material semiotics implicitly contains a critique of the Greimas' semiotics developed by Latour. Law's vision describes practices of producing multiple realities, maintaining uncertainties and the polysemantic. In contrast, Latour's semiotics are more instrumental, showing how particular actors eliminate multiplicity by creating common rules. The article shows that the contradiction between Latour's semiotics and Law's material semiotics is related to the question of tracing the networks' length created by heterogeneous actors. However, this question is empirical. The article explores a particular case of interaction from the practices of a center for the development and socialization of children and adults with mental disabilities. It is shown that the problem of polysematicity and uncertainties has two solutions: limiting the network through a "shifting in" of the "enunciator" and maintaining polysematicity through "partial connections".

19

1 Kirill A. Petrov — Researcher of Center for Science and Technology Studies, European University in Saint Petersburg, researcher of Center for advanced social research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: kpetrov@eu.spb.ru

Keywords: actor-network theory, material semiotics, uncertainties, meaning, disability studies, partial connections

Введение. Катастрофа многозначности

20

Материальная семиотика прочно ассоциируется с акторно-сетевой теорией (ANT) [Соколовский 2016]. Впрочем, это хоть и распространенная, но не совсем точная оценка. Джон Ло относит к материальной семиотике не только ANT, но также феминистскую семиотику, развиваемую в работах Донны Харауэй, и «ряд смежных направлений в дисциплинах, включая социальную и культурную антропологию, исследования культуры, постколониальные исследования и географию» [Law 2019]. Причины ошибочного отождествления материальной семиотики и ANT лежат на поверхности. Один из наиболее важных для акторно-сетевой теории авторов — Бруно Латур активно использовал в своих работах инструментарий семиотики Альгирдаса Греймаса. Достаточно процитировать часто упоминаемый в этом контексте фрагмент из книги «Пересборка социального»: «Было бы довольно точно описать ANT как наполовину Гарфинкеля и наполовину Греймаса: она просто объединила два самых интересных интеллектуальных движения по обе стороны Атлантики» [Latour 2005: 54]. Не стоит, однако, рассматривать этот фрагмент как окончательное доказательство того, что метод Латура — семиотический. Не менее важно предупредить, что латурианская версия семиотики Греймаса вовсе не равна материальной семиотике. Остается только согласиться с Иваном Напреенко, писавшим, что «сам Латур, несмотря на то что является для ANT фигурой тотемной, крайне осторожно, если не сказать вовсе не использует этот термин [материальная семиотика] применительно к своим выкладкам» [Напреенко 2013: 76].

Как определить материальную семиотику и в каких отношениях она находится с акторно-сетевой теорией? В нашем распоряжении имеются две работы Джона Ло, посвященные этой проблеме и написанные им с разницей в десять лет. В 2009 году он публикует статью «Акторно-сетевая теория и материальная семиотика» [Law 2009]. Второй текст — «Материальная семиотика» [Law 2019] появляется на личной странице Ло www.heterogeneities.net в январе 2019-го. Оба текста близки друг к другу не только тематически. Центральный тезис этих двух работ состоит в том, что материальная семиотика является «семейством инструментов, чувствительностей (sensibilities) и методов анализа, которые рассматривают все в социальном и природном мире как постоянно генерируемый эффект сетей отношений, в которых они находятся» [Law 2009: 141]. «Диагно-

ричность» материальной семиотики, упоминаемая в этом контексте, связана с ориентацией на умножающиеся исследовательские поля и способы их описания. Это многообразие ценно само по себе и не может быть редуцировано ни к общетеоретическому взгляду, ни к унифицированному методу. Ло рассматривает материальную семиотику как совокупность тем, стимулирующих чувствительность к многообразию значений, возникающих в практиках [Law 2019]. В отличие от него, Бруно Латур предписывает семиотике более инструментальное значение.

Французский представитель ANT оставил значительное число свидетельств применения в своих текстах идей Альгирдаса Греймаса. Тем удивительнее, что исследований, описывающих характер подобных заимствований, не так много [Кузнецов 2018; Beetz 2013; Hostacker 2005; Lenoir 1994]. Необходимо согласиться с А. Кузнецовым в том, что «рецепция и апроприация семиотики Латуром является “организующим принципом”» [Кузнецов 2018: 87]. Латур не только выборочно применяет инструменты анализа теории знаковых систем, но и предлагает иное видение самой семиотики. В совместном с Мадлен Акриш тексте «Краткое изложение удобного словаря для семиотики человеческих и нечеловеческих ансамблей» Латур пишет, что семиотика посвящена «изучению того, как выстраивается значение, но слово “значение” берется в его первоначальной нетекстовой и нелингвистической интерпретации; как строится одна привилегированная траектория из неопределенного числа возможностей; в этом смысле семиотика — это изучение построения порядка или пути, и она может быть применена к обстановке, машинам, телам и языкам программирования, а также к текстам» [Akrich, Latour 1992: 259]. В такой версии семиотика позволяет проследить, как из многообразия значений появляется определенность, относительно устойчивая версия реальности.

Однако выстроенный порядок может разрушаться, обнажая таящуюся под ним многозначность. Эта тревожащая мысль приводит Латура к уточнению некоторых идей в тексте «Почему критика выдохлась? От вопросов факта к вопросам беспокойства». Разбирая статью *The New York Times*, посвященную экологическому кризису, Латур пишет: «Я сам в прошлом потратил некоторое время на то, чтобы показать “отсутствие научной определенности”, присущее конструированию фактов. Я тоже сделал это “главной проблемой”. Но я не ставил перед собой цель одурачить общественность, скрывая определенность заверченного спора» [Latour 2004: 230]. Семиотическая перспектива оказывается полезной в ситуации, когда необходимо увидеть, как ученые закрывают разногласия и приходят к фактам, или заставляют сложные объединения образовывать «черные ящики», способные действовать «заодно». Искусственно поддер-

живаемая многозначность и неопределенность явились для Латура свидетельствами катастрофы.

Действительно ли многозначность в рамках акторно-сетевой теории стоит рассматривать как знак надвигающейся беды? Как материальная семиотика работает с проблемой беспорядка? Важной характеристикой и ANT-исследований, и материальной семиотики является их эмпиричность. Поэтому в данной статье мы последуем девизу Латура «следуй за акторами» и увидим, как психологи Центра помощи детям и взрослым с тяжелыми ментальными и физическими поражениями управляются с полисемантической. В данной работе мы исследуем локальное и довольно короткое взаимодействие между сотрудниками и их подопечными, в котором, однако, обнаруживаются разнонаправленные тенденции устранения многозначности и ее поддержания. Для удобства чтения статья разделена на две части. В первом параграфе рассмотрены общие проблемы материальной семиотики. Показано, что, в отличие от семиотической модели Латура, версия Ло предполагает установление определенной сложности и многозначности. Во втором параграфе продемонстрировано, как сотрудники Центра на практике реализуют стратегии ограничения значений и их умножения.

22

Множественность онтологий в материальной семиотике

В текстах Ло невозможно отделить материальную семиотику от работы, производимой исследователем, а в конечном счете и от локальных взаимодействий, в которые он вовлечен. Поэтому Ло предлагает ее тематизацию через набор «эмпирических case study» [Law 2009: 141]. При этом список представленных исследований во многом произволен и характеризует, как отмечает Ло, его личную траекторию в STS [Law 2019]. Каков перечень тем, описывающих материальную семиотику? Во-первых, Ло отмечает дескриптивность, означающую уже не только ориентацию на конкретные кейсы, но и нацеленность на установление гетерогенного характера отношений, а также использование симметричных понятий для обсуждения разных позиций внутри научных разногласий. Во-вторых, Ло пишет о перформативности, предполагая, что для того, чтобы стать «реальным», нечто, например «рыночная система», должна быть разыграна (enacted) в практиках. В-третьих, разыгрывание, по мнению Ло, приводит к появлению множественности онтологий.

Почему тема множественности так важна для Ло? Стоит отметить, что он принимает онтологию, развиваемую в ряде работ Анн-мари Мол, предполагающую, что «материя никогда не является “самой собой”». Даже когда ее не интерпретируют, материя никогда

не одна. Ведь вполне возможно, что материя действует, но то, что она способна сделать, неизбежно зависит от соседней материи, с которой она может что-то сделать. Действие — это всегда взаимодействие» [Mol 2012: 380]. Таким образом, завершает Мол, «реальности адаптивны и множественны» [Ibid.: 381]. Но как связываются разные версии реальностей между собой? Мол предполагает, что эти связи невозможно концептуализировать, но только описывать. Для обозначения этого парадоксального соотношения дескрипции, выбора разных версий реальности и запрета на их теоретическое обобщение она вводит концепт «онтономы».

Ло, так же как и Мол, видит проблему связи разных реальностей как эмпирическую, но не исключает возможности более отвлеченной позиции. Для этого он обращается к исследованиям «пограничного объекта» и «зимбабвийского насоса». Сюзан Ли Стар в совместной с Джеймсом Гриземером статье описывает пример сотрудничества между администрацией университета, коллекционерами и трапперами (звероловами) при создании зоологического музея, а также процесс возникновения в этих практиках предметов, находящихся на пересечении разных социальных миров — пограничных объектов. В тексте 2010 года Стар определяет их как «своего рода договоренности, позволяющие различным группам работать вместе, не прибегая к консенсусу» [Star 2010: 602]. Как функционирует эта договоренность без консенсуса? Стар иллюстрирует свои размышления примером карты. Она пишет, что «для одной группы людей карта дорог может указывать путь к кемпингу, месту отдыха. Для другой группы эта же карта может указывать на ряд важных геологических объектов или мест обитания животных для ученых. Такие карты могут быть похожи друг на друга, пересекаться и даже казаться неразличимыми для стороннего наблюдателя» [Star 2010: 602]. По мнению Стар, именно особенности использования объектов определяют возможности их многообразных интерпретаций. Утверждая «интерпретативную гибкость» таких объектов, Стар подчеркивает *разрыв* между практиками различных групп.

Если пример пограничного объекта объясняет границу «онтологической» разницы социальных миров, то исследование «зимбабвийского насоса» позволяет увидеть, как конструкция технического устройства позволяет ему *перетекать* из одной реальности в другую, парадоксальным образом связывая их. В совместной работе Де Лаэт и Мол дают красочное описание «прочного, универсального, эффективного, экономного» [Де Лаэт, Мол 2017: 196] насоса, способного инкорпорировать жизнь разных социальных групп: «Бурение колодца вращением перекадины (тяжелой из-за сидящих на ней мужчин) создает собрание жителей иного характера, чем то, которое собирается для похорон соседа. Поддерживать единство нации с помощью

насоса — не то же самое, что делать это денежными подачками или перераспределением земли. Таким образом, разные границы втулочного насоса задают ограниченный набор конфигураций. Можно сказать, каждая из них реализует свой втулочный насос» [Там же: 197]. Наличие множественных реальностей подчеркивает многообразие значений, которые могут приобретать конкретные предметы внутри них. Технические объекты «могут быть одновременно и нововременными (насос обеспечивает во множестве мест одинаково чистую воду), и не-нововременными (он приспособливается к очень разным условиям деревень Зимбабве)» [Там же: 220]. Этот аспект принципиально важен, так как успешность насоса, описанного в статье Де Лаэт и Мол, напрямую зависит от его способности быть текучим, адаптивным, менять свое значение. Важно подчеркнуть, что текучесть включена в саму технологию. Это свойство делает возможным стабилизацию технического артефакта через соединения с элементами деревенской общины.

24

В собственных исследованиях Ло проблематизирует множественность реальностей иным способом. В самом начале своей статьи «Объекты и пространства» он пишет, что «объекты являются “производными” некоторых устойчивых множеств или сетей отношений» [Ло 2006: 30]. Что означает концепт производства для материальной семиотики? Ло дает краткий, но требующий дополнительной экспликации ответ: «Производство объектов всегда носит мультитопологический характер, своей “непрерывностью” объекты обязаны пересечению различных пространств» [Там же: 36]. Ло обращается к своему излюбленному примеру — португальским кораблям, выводя на поверхность сложную онтологию границ, разрывов и инаковости, характерную для его версии материальной семиотики. Корабль перемещается в физическом пространстве, но сохраняет свою устойчивость и даже «неподвижность» в пространстве сетей отношений. По мысли Ло, такое описание должно продемонстрировать, что вещь находится на пересечении разных сетей отношений, погружена в множественность реальностей, и в каждой из реальностей она имеет собственное значение. Каждое из пространств, в котором существует корабль, физическое, евклидово или пространство сетей, подчеркивает инаковость другого. Сам корабль существует в этих разрывах, на границах разных значений, сохраняя свою форму в каждом из пространств, то есть гомеоморфизм. Любой объект оказывается неопределенным и многозначным, что может быть истолковано как присутствие беспорядка. Однако цель материальной семиотики состоит в описании этих значений, раскрытии практик, производящих полисемантическую объектов.

Ориентация на практики удержания множественности приводит Ло к методологическому вопросу о границах прослеживаем-

мых сетей. Устойчивость объекта, как было показано ранее, связана с возможностью выстраивать хрупкие, но при этом потенциально бесконечные сети отношений. «Если вы решите работать таким образом, то все равно остается один практический вопрос, который необходимо решить: когда пора прекратить проследивать эти сети?» [Law 2019]. Правильная дескрипция не может иметь дело с бесконечным числом связей. Следовательно, исследователь вынужден ограничивать свои описания. Это, в свою очередь, создает риск превращения дескрипции в разновидность субъективной оценки. Ло отмечает, что любое описание следует рассматривать как «потенциально мощную форму вмешательства, политического или иного, поскольку оно показывает, что предположения, заложенные в текущих договоренностях, могут быть иными» [Ibid.]. В этой точке описания материальной семиотики сходятся два вопроса: как исследовать множественность значений? Где заканчивается сеть? Решение Ло предполагает формирование определенной формы рефлексивности исследователя, знающего о возможных последствиях выбора той или иной версии реальности. Однако такое объяснение нельзя назвать бесспорным. Во-первых, оно воскрешает старую дискуссию внутри ANT о рефлексивности самого исследователя [Латур 2012]; во-вторых, оно вводит асимметрию, наделяя исследователя большей по сравнению с другими акторами властью.

25

Ло отмечает, что интерес к множественности был характерен для всех авторов, работавших в рамках акторно-сетевой теории. Но правда ли Латур разделяет вместе с Ло видение ANT как исследование неопределенности? Этот вопрос вновь проблематизирует связь между материальной семиотикой и латурианской версией акторно-сетевой теории. Подсказку о том, где искать ответ на этот вопрос, дает сам Ло: «Идея о существовании различных логик является основной и для Латура, который писал о различных режимах высказывания (enunciation), включая религию, науку и закон» [Law 2009: 152]. Почему «высказывание» может быть проблемой? Роар Хостакер, ссылаясь на Греймаса и Курте, пишет, что для семиотиков высказывание является «областью посредничества, формирующей процесс, в котором производится дискурс» [Høstaker 2005: 20]. На основании такой интерпретации Латур выделяет четыре режима высказываний: научный, религиозный, политический и судебный. Научные высказывания предполагают умение «создавать циркулирующие ссылки, с помощью которых наши высказывания (здесь и сейчас) могут быть поняты как представление объекта (в другом месте) в природе» [Ibid.: 20]. За счет чего достигается подобная циркуляция?

Отправной точкой исследований Латура являются научные статьи, поскольку они «содержат утверждения неопределенного ста-

туса» [Кузнецов 2018: 97]. Такие утверждения не являются ни истинными, ни ложными, отсылая к незавершенному процессу производства научного знания. Это позволяет Латуру использовать семиотические методы для их анализа, результатом которого является понимание «многослойности» научных текстов. Он пишет, что «благодаря умелой стратификации изложения эти статьи создают у читателя ощущение глубины видения» [Латур 2013: 89]. Не стоит рассматривать эту многослойность как риторический прием, используемый автором для того, чтобы запутать критика. Ощущение глубины необходимо, чтобы «представить [то], во что нужно заставить поверить читателя, в самом тексте» [Там же: 85]. Многослойность возникает в результате специфических процедур, для описания которых Латур использует пару понятий «в-ключения» и «от-ключения». «Отключение имеет место тогда, когда говорящий или автор [высказывания — *enunciation*] отвлекает внимание читателя от него самого <...>. Операция включения, наоборот, привлекает внимание к самому говорящему и к условиям производства высказывания. Благодаря этим операциям текст внутри себя описывает свой релевантный контекст и создает внутренний референт» [Кузнецов 2018: 99]. В глоссарии к тексту «Надежда Пандоры. Эссе о реальности научных исследований» Латур пишет, что «“референция” означает не внешний референт, который будет бессмысленным (то есть буквально без средств для достижения его движения), а качество цепи трансформации, жизнеспособность его циркуляции. “Внутренний референт” — термин из семиотики, означающий все элементы, создающие среди различных уровней знаков текста такое же различие, как между текстом и внешним миром» [Latour 2005: 309]. Иными словами, значение — результат постоянной циркуляции, перемещения между разными уровнями текста или между разными посредниками. Использование идеи циркуляции позволило Латуру обособить процесс производства научного знания от «обыденного реализма» [Латур 2017: 226], видевшего науку как работу с «жалкими “фактами” (*matters of fact*), оторванными от “проблем” (*matters of concern*)» [Там же: 226].

Наиболее известный пример циркуляции, описанный Латуром, — педокомпаратор, ящик для хранения образцов почвы. «По существу, такой ящик является схематичной и масштабированной копией определенного участка земли, который репрезентирует изучаемый объект со зримым сходством. Его очевидность и является гарантом: этот референт, выражаясь семиотически, наделен иконичностью, т. е. непосредственно похож на действительность. Кроме того, гарантией служит его “мобильная неизменность”: он сохраняет самоидентичность после перевозки во Францию, благодаря чему на него можно ссылаться в производстве диаграмм, таблиц,

текстов» [Напреенко 2013: 92]. Парадоксальность педокомпаратора состоит в том, что он способен репрезентировать почву Амазонии вследствие того, что непосредственно не связан с ней, выделен из пространства тропических лесов, и сохраняет свою устойчивую форму. Как происходит это выделение? Объяснение этого процесса у Латура связано с рецепцией категории фрейма. В тексте «Об интеробъективности» он предлагает понимать под ним «перегородки», материальные условия ограничения взаимодействий. «Только благодаря существованию “фреймов” агенты могут вступать во взаимодействие лицом-к-лицу, оставляя “снаружи” историю своих жизней, а заодно и всех остальных взаимодействующих» [Латур 2006: 174]. Фрейм, таким образом, — это «вырезанное» с помощью материальных элементов взаимодействие, задающее границы смысла и значений. «Взаимодействие выражается в противоречивых формах: оно представляет собой систему фреймов (которая ограничивает интеракцию) и сеть (которая распределяет одновременность, близость и “персональность” взаимодействий)» [Там же: 176].

Используя приемы и инструменты семиотического анализа, Латур показывает, как акторы самостоятельно ограничивают присутствующую неопределенность; выстраивают единую, связную систему значений, открывающую дорогу фактам и «черным ящикам». Показательной в этом контексте является работа «Технология — это общество, ставшее устойчивым». Латур описывает менеджера отеля, который «продолжает требовать свои ключи обратно, напоминает клиентам вслух, вывешивает таблички и утяжеляет ключи, и, наконец, ему удастся дисциплинировать своих клиентов» [Latour 1990: 109]. Дескрипция цепи гетерогенных акторов делает очевидным процесс перехода от многозначности к строгой определенности, предсказуемости и контролю за действиями [Латур 2013: 213]. В этом пункте особенно заметен контраст между идеями Латура и Ло. Если для Латура цель семиотического метода — проследживать процесс установления порядка, то Ло стремится увидеть социальную науку, которая «смогла работать со смешениями, путаницей и относительным беспорядком» [Ло 2015: 12].

27

Зачем человеку тень? Проблема значения в практиках Центра

Работа с беспорядком и многозначностью в текстах Ло связана с использованием метафоры границы. Ло пишет, что «реальности держатся вместе благодаря тому, что связаны друг с другом через разрывы, или через взаимное производство инаковости. Но, возможно, они также держатся вместе, потому что перетекают друг в друга» [Law 2009: 152]. В этой емкой цитате содержатся две предпосылки

исследований множественности в рамках материальной семиотики, описанные выше: взаимодействия, лежащие в основании одной материальности, должны подчеркивать инаковость противостоящих версий реальности и воспроизводить разрывы; сама граница должна быть в некоторой степени проницаема для перехода. Решая проблему связи множественных пространств, Ло говорит, что отношения между реальностями являются разновидностями «частичных соединений» [Ibid.: 152], ссылаясь на одноименный текст Мерилин Стратерн [Strather 1991].

28 Стратерн показывает, что частичность оказывается способом описания парадоксальной связи через «разделение» [Ibid.: xxix]. Как возможны такие соединения? Объяснение Стратерн предполагает избегание дихотомии целое и часть в антропологических исследованиях. Ее описание строится не на фрагментации и «выделении», и не на «рефлексивном узнавании через другого, но предполагает социальную логику, которая делает половину целого одним из элементов пары» [Ibid.]. Такая констелляция позволяет избежать редукции объекта к общему значению, поскольку «любая часть одной вещи может также быть частью чего-то другого» [Ibid.]. Стратерн приводит пример использования ритуальных флейт народностью Хаген из Меланезии: «Обычные флейты, на которых мужчины Хаген играют для развлечения, используются как священные инструменты или не используются таким образом, хранятся завернутыми где-то в мужском доме или применяются в качестве инструмента для принуждения мальчиков, проходящих инициацию. Связи частичные. И они частичны, потому что в способе их использования нет ни малейшей возможности для аналогии» [Ibid.: 75]. Иными словами, антрополог не может найти общее определение функции флейты ни в мифах, ни в практиках. Каждое из предлагаемых описаний флейты будет «неполным», но при этом «завершенным» и убедительным [Ibid.: 39]. Таким образом, один и тот же объект находится в разных системах отсчета, в разных пространствах. Частичные связи показывают способ производства разрывов между разным реальностями или пространствами. Кроме того, концепт «частичных соединений» позволяет понять, что культуры способны «обрезать сеть», ограничивая те или иные взаимодействия [Strathern 1994]. Здесь появляется важный сюжет, который зачастую игнорируется представителями ANT. Объект теряет свою устойчивость или гомеоморфизм. Перемещаясь по разным пространствам, он никогда не равен сам себе.

Как создается разрыв, обосновывающий множество реальностей? Как разнообразные акторы пытаются устранить их, приведя все элементы сети к общему значению? Разрешить эти вопросы можно, лишь проследовав за ними в их практиках. В качестве исследовательского кейса предлагается рассмотреть пример взаимодействия

в пространстве Центра, осуществляющего помощь по реабилитации и социализации детей и взрослых с ментальными и физическими поражениями. Материалы, используемые в данной статье, являются результатами включенного наблюдения, проводившегося в Центре в июне и сентябре 2022 года, а также в апреле 2023 года¹.

Занятия в Центре начинаются около 10 утра. Сотрудники приходят немного раньше, чтобы подготовить пространство к приходу подопечных. Занятия предваряет «круг» — важный тип «ритуализованного» взаимодействия. Во время «круга» психологи знакомят подопечных Центра с расписанием, пытаются понять их самочувствие и настроение, координируют совместные усилия, распределяя обязанности на день. Круг, наверно, один из самых интересных типов коммуникации, используемых в Центре². Практически все коммуникации в Центре опосредованы широким набором инструментов альтернативной и дополненной коммуникации (АДК): чаще остальных используется язык жестов, активно применяются рисунки, знаки и схемы разной степени абстрактности, интерактивные кнопки. Многие элементы АДК должны находиться в зоне видимости как сотрудников, так и подопечных, для чего используются специальные доски, обитые ворсом, на которые с помощью «липучки» крепятся знаки или кнопки.

29

Важное место в процессе обучения занимает взаимодействие на кухне. Работа с продуктами — это хороший способ научить важным навыкам самостоятельности, познакомить с возможными рисками и опасностями, с которыми подопечные могут столкнуться в квартире, объяснить правила совместности. Ситуация, описанная ниже, происходила на кухне в здании Центра и была реконструирована на основании полевых материалов автора от 3 апреля 2023 года. Само взаимодействие можно формально разделить на две части: приготовление и прием пищи.

В 10.40 на кухню в сопровождении двух психологов, Александры и Леонида (имена всех участников изменены), приходят две девочки младшего школьного возраста — Аня и Марина. Сотрудники помогают им надеть фартуки и сесть на стулья. На столе перед девочками ставится деревянный планшет, обитый ворсистой тканью, на него прикрепляется изображение блина. Девочкам говорят, что сейчас время готовить. На столе стоит чаша блендера, два plástico-

1 С более подробным анализом работы Центра и особенностями взаимодействия сотрудников и подопечных можно познакомиться в статье «Разделить и стереть: формирование агентности у детей и взрослых с ментальными нарушениями» [Петров 2023].

2 Детальный разбор взаимодействия на «круге» с позиции конверс-анализа можно прочитать в работах Дмитрия Колядова [Колядов 2020].

вых контейнера и кружка с молоком. В одном из контейнеров мука, в другом — сахар. Психологи помогают девочкам по очереди положить сахар и муку в чашу блендера. Затем разбивают яйца и добавляют молоко. Леонид вставляет чашу в сам прибор, и перед девочками ставится ярко-красная кнопка, подсоединенная к блендеру с помощью специального адаптера. Девочки поочередно нажимают кнопку, активируя работу блендера. Александра с Аней начинают печь блины, добавляя на поверхность блинницы тесто из чаши. Александра снимает готовые блины, складывая их рядом с блинницей в широкую тарелку. В 10.55 занятие кулинарией заканчивается.

Александра убирает со стола планшет с изображением блина.

Вместо него ставятся два маленьких планшета. Один перед Мариной (см. фото 1), другой перед Аней (см. фото 2). На первом две красные кнопки с изображением ложки и поильника, на другом изображения блина и кружки.

30

Фотография 1. Элемент альтернативной и дополненной коммуникации, используемый в Центре, представляет собой дощечку, обитую ковровым материалом, с прикрепленными на «липучку» кнопками. При нажатии на них звучит голос: «Хочу есть», «хочу пить». Фотография автора.

Photo 1: The element of augmentative and alternative communication (AAC) used in the Centre is a carpeted board with Velcro-attached buttons. When one presses them, a voice sounds: “I want to eat”, “I want to drink”. Photo by the author.

Фотография 2. АДК-инструмент, соответствующий описанию к фотографии 1. Вместо кнопок к дощечке прикреплены изображения блина и кружки. Фотография автора.

31

Photo 2. AAC-tool which description corresponds to the photo 1. Images of a pancake and a mug are attached to the board instead of buttons. Photo by the author.

На стол перед Мариной ставится тарелка. Марина быстро нажимает сразу на обе кнопки. Динамики, располагающиеся в кнопках, воспроизводят запись спокойного мужского голоса: «Хочу есть», «хочу пить».

Леонид обращается к Марине: «Нельзя сразу нажимать. Мне непонятно».

Марина несколько раз давит на обе кнопки. Затем нажимает одну с изображением ложки. Звучит голос: «Хочу есть». Леонид кладет ей в тарелку блин и отходит от стола, направляясь к чайнику с водой. Марина быстро съедает блин и опять одновременно нажимает обе кнопки. Леонид возвращается к столу, слегка наклоняется к Марине и говорит, что не понимает. Марина нажимает изображение с поильником «хочу пить».

Леонид уходит, чтобы налить сок в поильник.

Аня не хочет есть. Александра берет блин, дует на него, чтобы остудить. Потом откусывает и произносит, обращаясь к Ане: «Какой вкусный блин мы сделали!»

Аня никак не реагирует. Леонид, отдав поильник Марине, становится сбоку от Ани. Александра подносит планшет с изображением блина и кружки поближе к Ане, которая трогает то одну, то другую картинку. В тот момент, когда рука Ани «зависает» над «блином», Леонид слегка приближает ее руку к изображению. Аня пытается отклеить картинку. В конце концов она снимает «блин» и отдает Александре. Ей в тарелку кладут блин, который Аня сразу съедает.

Александра берет стакан с соком. Аня весело тянется к нему. Но Александра отставляет его в сторону. Сразу после этого она вновь подносит планшет к Ане. Леонид слегка направляет руку и помогает ухватить изображение стакана. Аня снимает его, отдает Александре и получает кружку с соком.

После того как Аня допивает сок, занятие завершается.

Описанное взаимодействие распадается на серии интеракций, формально объединенных общей рамкой приема пищи. Но еда оказывается лишь поводом для начала коммуникации. Это особенно заметно на примере Ани, которая явно заявляет о желании пить, протягивая руки к кружке с соком. Однако ей необходимо сообщить об этом более формальным способом с помощью АДК-инструментов. Впрочем, использование посредника меняет характер высказывания: теперь это уже не заявление о желании, а просьба оказать помощь. Такая трансформация значения соответствует специфическому пониманию самостоятельности, предполагающему не столько способность независимого действия, сколько навык просить помощь у другого в затруднительной ситуации. Этот навык отсылает к коммуникативным ситуациям, с которыми подопечные столкнутся вне пространства Центра или семьи. Предложенное описание позволяет высветить, как с помощью материальных артефактов формируются различные пространства взаимодействия, участники перемещаются между ними. Какие же две реальности разыгрываются в данных взаимодействиях?

Марина сразу нажимает на обе кнопки. Для Леонида это может означать как просьбу принести ей и еду, и питье одновременно, так и ошибку. Неопределенность заставляет его ожидать более ясных сигналов, предписывающих последовательность его собственных действий. По его словам, эта ситуация является примером многозначности, а цель использования АДК-инструментов состоит в ее редукции. Важно напомнить, что Леонид не должен выполнять все действия сам. Ожидая просьбы со стороны Марины, он формирует описанный выше навык «самостоятельности». Определяя порядок действий, то есть создавая правило, Марина вынуждена работать в сложно структурированном пространстве кухни: и еда, и питье находятся в недостижимой для Марины зоне. Чтобы получить их, она должна создать контакт с Леонидом. Это невидимое соединение

определяется силой звука, доносящегося из динамика, спрятанного под кнопкой. Неопределенность, связанная с одновременным нажатием кнопок, усиливается тем, что Леонид может не услышать сигнал. Поэтому, когда Леонид слышит обе просьбы одновременно, находясь в рабочей части кухни, он приближается к Марине и даже наклоняется к ней, чтобы сказать о непонимании. Тем самым Леонид устраняет один из элементов неопределенности — дистанцию, на которой действует кнопка. Это действие подчеркивает, что его неспособность выполнить просьбы Марины детерминирована не отсутствием сигнала, а самим характером сообщения. В терминологии Латура, Леонид «в-ключает» отправителя сигнала, он возвращает Марину к ситуации производства самого сообщения. Здесь важно отметить, что все действия Леонида ограничивают возможности Марины по выстраиванию сети отношений. Утрачивая способность дистанционного контроля, Марина получает сигнал о необходимости быть более внимательной, или более «вовлеченной» в процесс выбора. Процедура «в-ключения» предполагает производство «разрыва», в категориях Ло и Стратерн. Иными словами, пространство кухни исключается из взаимодействия между Мариной и Леонидом. Это ограничивает набор значений, с которыми работает девочка, что в конечном итоге позволяет ей сделать выбор.

33

Аня находится в другом фрейме взаимодействия. Она должна обменять достаточно точное изображение блина на реальный блин. В отличие от координации Марины, вынужденной работать с определенной моделью пространства, Ане проще проследить процесс обмена. Но она сталкивается с другим затруднением: ей сложно снять изображения блина и кружки. На помощь приходит Александра, приближающая доску с картинками, и Леонид. Стоя рядом с Аней, он должен опознать в ее движениях то, что можно назвать «намерением». Сейчас он играет роль того, что на языке сотрудников Центра называется «тенью». Несколько позже, по завершении кулинарии, мне довелось выступить в роли «тени» для Ани во время игр. Инструкции, которыми меня снабдили психологи, были краткими. Мне предписывалось: хранить молчание, не отвлекать от взаимодействия психолога и подопечную, помогать в тех случаях, когда ребенку не хватало физической силы, чтобы снять соответствующее ее намерениям изображение. Однако самым сложным в этом процессе было не столько помочь оторвать от планшета значок игрушки, сколько увидеть в неопределенных и на первый взгляд беспорядочных движениях Ани действие, которое можно трансформировать в однозначное сообщение.

Сама метафора тени, используемая в Центре, предполагает антропологическую интерпретацию. Функция тени — незаметно следовать за человеком, ничего не добавляя к его действиям. Вместе

с тем тень расширяет Аню, проблематизируя границы ее присутствия. Результативность обмена, в котором она участвует, зависит от границы «расширения», создаваемой присутствием «тени». Тень словно «от-ключает» Аню, что позволяет переключиться со взаимодействия с элементами АДК на взаимодействие с психологом, где и происходит разыгрывание потенциальной коммуникации «вне» центра. Иначе говоря, тень позволяет преодолеть существующий «материальный» разрыв между практиками заботы в Центре и формализованными отношениями, с которыми девочка может столкнуться вне этого пространства.

И тень, и кнопка — это пример выстраивания частичных соединений, игры с разрывами между разными версиями реальности. В ситуации взаимодействия Марины и Леонида легко наблюдается процесс «ограничения» связи. Леонид устраняет пространство, которое контролируется с помощью кнопки, показывает, что сообщение не может быть переведено в действие, так как оно слишком неопределенно и многозначно. Тем самым он стремится сделать очевидным сам процесс производства сообщения. «Тень» — более сложный сюжет. Сама коммуникация с психологами, опосредованная АДК-инструментами, должна подготовить Аню к будущим взаимодействиям вовне Центра. То есть она отсылает к внешнему пространству, отсутствующему «здесь и сейчас». Образ «тени» показывает сложность масштаба, в котором присутствует девочка: здесь сочетается очень близкое, телесное взаимодействие, но также и представление о формальных «холодных» контактах вне пространства Центра, где от нее потребуется говорить не на языке желаний, а на языке совместных действий. Тень представляет собой пример расширения вовне, границы которого однозначно не определены. В-ключение и от-ключение по-разному производят разрывы в пространствах взаимодействий, в которых каждый из объектов лишь частично принадлежит конкретной локальности.

34

Заключение

Обращаясь к материальной семиотике, Джон Ло стремится расширить набор методологических приемов анализа неопределенности в рамках акторно-сетевой теории. Его модель предполагает внимание к множественным реальностям, в которых объекты видятся как пересечения разных пространственностей. Существование объектов в разных пространствах возможно благодаря сохранению устойчивой формы, гомеоморфности. Однако такое видение ANT, а также места семиотических инструментов неизбежно вступает в конфликт с версией семиотики Бруно Латура. В текстах, посвященных исследованиям науки и технологий, он применяет инстру-

менты семиотики Альгирдаса Греймаса для описания практик ограничения полисемантической и выстраивания общего порядка. Указанное различие оказывается частью не только теоретического ландшафта, в котором разворачивается разногласие. На примере практик Центра социализации и реабилитации детей и взрослых с ментальными и физическими поражениями показан процесс создания разрывов между разными реальностями с помощью «частичных соединений», невидимых сетей, связывающих их присутствие в пространстве Центра с многообразными взаимодействиями вне его. Как коротко резюмирует Дебора Баталья, понятие частичных соединений должно помочь «антропологам смотреть на то, как они сами и другие люди регенерируют и расширяют себя» [Battaglia 1993: 189]. Ключевая роль в образовании «частичных соединений» в Центре отводится техническим артефактам, которые определяют структурные элементы пространства и фрейма взаимодействия. Работая с ними, психологи Центра могут выстраивать координацию через ограничения сети. Не менее важную роль играет фигура «тени», которая буквально оказывается на пересечении разных пространств и значений, отсылая как к близости, так и к удаленности, и воспроизводит полисеманτικότητα. Указанная полисеманτικότητα связана с тем, что «тень» оказывается парадоксальным элементом: она полностью принадлежит Центру и позволяет разыграть «внешнее», не репрезентируя его, тем самым подчеркивая разрыв между двумя этими пространствами.

35

Библиография / References

Де Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Логос*, 27 (2): 171-232.

— De Laet M., Mol A. (2017) The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. *Logos*, 27 (2): 171-232. — in Russ.

Колядов Д. (2020) Значение говорящего: проблема участия людей с речевыми нарушениями в коммуникативном взаимодействии. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 12(3): 100-125.

— Kolyadov D. Speaker's meaning: the problem of participation of people with speech impairments in communicative interaction. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12(3): 100-125. — in Russ.

Кузнецов А. (2018) Метод Латура: семиотика между литературой и наукой. *Логос*, 28(5): 85-112

— Kuznetsov A. (2018) Latour's Method: Semiotics Between Literature and Science. *Logos*, 28(5): 85-112. — in Russ.

Латур Б. (2006) Об интеробъективности. В. С. Вахштайн (ред.). Социология вещей, М.: Изд. дом «Территория будущего»: 169-198.

— Latour B. (2006) On interobjectivity [Sociology of Things], М.: «Territoria budushchego» Press: 169-198. — in Russ.

Латур Б. (2013) *Наука в действии. Следуя за учеными и инженерами внутри общества* (пер. К. Федоровой), СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2013) *Science in action. How to follow scientists and engineers through society* (translated be K. Fedorova), Saint-Petersburg: EUSP Press. — in Russ.

Латур Б. (2017) Биография одного исследования: к работе о модусах существования. *Логос*, 27(1): 217-244.

— Latour B. (2017) Biography of an inquiry: on a book about modes of existence. *Logos*, 27(1): 217-244. — in Russ.

Латур Б. (2012) Политика объяснения: альтернатива. *Социология власти*, 8: 113-143.

— Latour B. (2012) The Politics of Explanation: An Alternative. *Sociology of Power*, 8: 113-143. — in Russ.

Ло Дж. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 5(1): 30-42.

— Law J. (2006). Objects and Spaces. *Sociological Review*, 5(1): 30-42. — in Russ.

Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука* (пер. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой), М.: Издательство института Гайдара.

— Law J. (2015) *After Method: Mess in Social Science Research*, Moscow: Gaidar Institute Press. — in Russ.

Напреенко И. (2013) Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. *Социология власти*, (1-2): 75-93.

— Napreenko I. (2013) The Semiotic Turn in STS: Bruno Latour's Theory of the Referent. *Sociology of Power*, (1-2): 75-93. — in Russ.

Петров К. А. (2023) Разделить и стереть: формирование агентности у детей и взрослых с ментальными нарушениями. *Этнографическое обозрение*, 5; 178-193.

— Petrov K. A. (2023) Share and Erase: Agency Formation among Children and Adults with Mental Disorders. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5: 178-193. — in Russ.

Соколовский С. В. (2016) Материальная семиотика и этнография материальной культуры. *Этнографическое обозрение*, 5: 103-115.

— Sokolovskiy S. (2016) Material Semiotics and Ethnography of Material Culture. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5: 103-115. — in Russ.

Akrich M., Latour B. (1992) A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies. Wiebe E. Bijker and John Law (eds.) *Shaping Technology/Building. Society Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Massachusetts London: The MIT Press: 259-264.

Battaglia D. (1993) Partial Connections. Marilyn Strathern. *American Anthropologist, New Series*, 95(1): 189-190.

Beetz J. (2013) *Latour with Greimas — Actor-Network Theory and Semiotics*, Academia. URL: [http://academia.edu/11233971/ Latour_with_Greimas_-_Actor-Network_Theory_and_Semiotics](http://academia.edu/11233971/Latour_with_Greimas_-_Actor-Network_Theory_and_Semiotics).

- Beetz J. (2016) *Materiality and Subject in Marxism, (Post-)Structuralism, and Material Semiotics*, London: Palgrave Macmillan.
- De Laet M. and Mol A. (2000) The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. *Social Studies of Science*, 30(2): 225-63.
- Høstaker R. (2005) Latour — Semiotics and Science Studies// *Science Studies*, Vol. 18. № 2.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor network theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Latour B. (1999) *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge, Mass. & London: Harvard University Press.
- Latour B. (1990) Technology is Society Made Durable. *The Sociological Review*, 38(1): 103-131.
- Latour B. (2004b) Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, 30: 225-48.
- Law J. (2019) Material Semiotics. URL: <http://www.heterogeneities.net/publications/Law2019MaterialSemiotics.pdf>
- Law J. (2009) *Actor-network theory and material semiotics*. Bryan S. Turner (ed.) *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Oxford: Blackwell.
- Lenoir T. (1994) Was the Last Turn The Right Turn? The Semiotic Turn and A.J. Greimas. *Configurations*, 2(1): 119-136.
- Mol A. (2012) Mind your plate! The ontonorms of Dutch dieting. *Social Studies of Science*, 43(3): 379-396.
- Star S. L. (2010) This is Not a Boundary Object: Reflections on the Origin of a Concept. *Science Technology Human*, 35(5): 601-617.
- Strathern M. (1991) *Partial Connections*, Savage, MD: Rowman & Littlefield.
- Strathern M. (1996) Cutting the Network. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 3(2): 517-535.

37

Рекомендация для цитирования:

Петров К. А. (2023) Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно. *Социология власти*, 35 (2): 18-37.

For citations:

Petrov K. A. (2023) Material Semiotics as a Method: From Uncertainty to Order and Back Again. *Sociology of Power*, 35 (2): 18-37.

Поступила в редакцию: 11.05.2023; принята в печать: 16.06.2023

Received: 11.05.2023; Accepted for publication: 16.06.2023